

Регионализация экономических отношений: причины, следствия, эффекты

Рассматривается понятие «регион», региональная парадигма в экономике, факторы формирования эффективных форм территориальной организации экономики.

Современное мировое хозяйство - продукт длительной эволюции, т.е. естественного отбора жизнеспособных экономических, социальных и культурных структур, способствующих выживанию и постепенному подъёму жизненного стандарта всё возрастающей численности населения планеты [1]. Это система, которая находится в постоянном движении от одного устойчивого состояния к другому, каждый раз обеспечивая повышение продуктивности производственного процесса. Основу данного процесса составляет противоречивое взаимодействие двух диалектически сопряжённых тенденций – экономического роста и экономического развития, тенденций, являющих собой количественный и качественный векторы общей эволюции хозяйственной системы. Многокомпонентность и полифакторность экономической реальности, её способность к спонтанной, предопределяемой как собственной логикой саморазвития, так и экзогенными обстоятельствами, эволюции – проецируется на гносеологическую сферу, обуславливает наличие обширной совокупности экономических теорий, концепций, парадигм.

Утверждение регионализма в качестве базовой парадигмы (в наиболее рельефной форме проявившееся в последней четверти XX века) детерминировано комплексом имманентных экономике причин, в числе которых, полагаем, особо следует выделить:

- обстоятельства, продуцируемые воздействием в экономике территориальных её материально-вещественных факторов;
- территориально-институциональные детерминанты экономических процессов;
- императивы формирования эффективных форм территориальной самоорганизации экономики на всех её основных уровнях.

В этой связи выглядят вполне логичными культивируемые в последние годы в российской науке идеи о наличии у экономики особого рода региональной детерминаты, то есть, некой причинности, обусловленности развития и функционирования самим фактом региональной стратифицированности и организованности социума и окружающей его природной среды [2].

По мнению А.Г. Дружинина и А.Ч. Ионова [3], подобная причинность просматривается прежде всего в следующих основных своих моментах: в специфических условиях и особенностях развития экономики в каждом конкретном регионе; в экономически обусловленных императивах территориальной интеграции-дизинтеграции экономики и в этой связи обретении последней особой региональной структуры, которая, в свою очередь, выступает

детерминантой дальнейшей эволюции хозяйства; в выраженной зависимости структурных и иных параметров функционирования мезоэкономических систем от их местоположения и ролевых функций в общей региональной организации экономики и др.

Особо важное теоретико-инструментальное значение в репродукции соответствующего аспекта региональной парадигмы приобретает категория «регион» и его различные инвариантные производные (экономический район, территориально-хозяйственная система мезоуровня, территориальная социально-экономическая система и т.п. [4]).

В многочисленных определениях «региона» акцентированы такие родовые его черты, как общность (однородность) природных условий и специализации, целостность, управляемость [5]. Заметим также, что в большинстве определений «региона» воспроизводится заложенное ещё экономико-географической традицией понимание данной категории как, прежде всего, определённой территории, идентифицируемой по тем или иным признакам и интегрируемой в состав более крупного территориально-хозяйственного образования.

Соответствующий подход культивируется, в частности, ведущим современным российским экономистом-регионоведом А.Г. Гранбергом, рассматривающим регион как определённую территорию, отличающаяся от других территорий рядом признаков и обладающая некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих её элементов [6]. Стремление отождествить регион и соответствующую ему территорию ещё рельефнее просматривается в базовом нормативном акте российской регионалистики - «Основных положениях региональной политики РФ», где регион определяется как часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион, по версии разработчиков «Основных положений...» может совпадать с границами территорий субъекта РФ, либо объединять территории нескольких субъектов РФ [7].

Понятие региона при этом оказывается предельно сближенным с другой родственной ему категорией, с территориальной социально-экономической системой, определяемой (по М.Д. Шарыгину) как экономически и социально эффективное, взаимосвязанное сочетание элементов, включённое в региональные процессы общественного воспроизводства, развивающиеся как звено географического разделения труда на определённой территории, обладающие специфическими характеристиками: иерархической упорядоченностью, территориальной социально-экономической целостностью развития, сложностью, многокомпонентностью, открытостью, наличием внутренних воспроизводственных процессов, эффективностью совместного функционирования экономической, социальной и экологической компонент системы, динамизмом и равновесием с окружающей средой, управляемостью производственными и социально-экономическими процессами [8].

Вместе с тем нельзя не констатировать, что в вышеприведённых определениях несколько завуалированным, как бы отнесённым на второй план, оказывается экономическая детерминанта и сущность регионогенеза.

Под воздействием рыночной трансформации, глобализации и регионализации существенно видоизменилась вся система территориальной организации общества, инициируя пересмотр существующей «сетки» экономических районов; сам экономический район, при этом, всё более воспринимается как некая система функциональных взаимоотношений, поведенческая матрица, субъективная, проявляющаяся и циркулирующая в ощущениях категория [9]. Это ограничивает его операционное «поле», инициируя всё более активное и повсеместное использование категории регион как предельно ёмкого, междисциплинарного, соответствующего как российской, так и зарубежной традиции инструмента реализации региональной парадигмы в экономической науке.

В этой связи, с учётом специфики и императивов формирующейся в экономике её региональной парадигмы весьма симптоматичными и оправданными видятся попытки отождествить «регион» с устоявшейся, адекватной его макроэкономическим функциям системой производственных отношений, «складывающейся в специфических, детерминируемых фактором пространственной локализации природно-экологических, социально-экономических, этнокультурных, институциональных и иных условиях» [3, с. 16].

Территориальную (региональную) организацию принято одновременно рассматривать и как явление, и как процесс. Как явление — она реализуется в форме иерархически соподчиненных территориально-хозяйственных систем (регионов) разного ранга. Как процесс — протекает в постоянном движении и пульсации всей социально-экономической жизни населения в пространстве и времени (иерархических уровней экономического регионализма и регионов, деградация традиционных центров и появление новых «полюсов роста» и т.п.).

В рамках теории региональной (территориальной) организации получает наиболее полное концептуальное оформление основополагающая идея «территориальности» экономики, методологически крайне важный акцент на формирующих региональную экономическую целостность территориальных факторах, структуре и отношениях. Позволяет она в должной мере реализовать и эвристический потенциал регионально-воспроизводственного подхода, ориентирующего на учёт и выявление реального регионально-локализованного кругооборота ресурсов, доходов, продуктов.

Первостепенное значение в современной экономической ситуации приобретает и институциональная проекция, предполагающая рассмотрение региональной организации экономики именно как специфического института механизма эффективного взаимодействия экономических субъектов в территориальном контексте. Симптоматично, в этой связи, что в последнее время начинают активно разрабатываться представления об особом рода территориально-хозяйственных институтах, экономических феноменах, обеспечивающих соответствующее выстраивание и структурирование геоэкономиче-

ского пространства, а, в этой связи, и привычные способы реагирования на территориальную социально-экономическую динамику. Выполняя «родовые» для всей совокупности экономических институтов функции, территориально-хозяйственный институт одновременно являет собой и некий инвариант институциональной среды, и особое институциональное соглашение; он имманентен и территории, и экономике, будучи в этой связи теснейшим образом сопряженным с её территориальной структурой [10].

Новая геоэкономическая ситуация продуцирует рост межрегиональной социально-экономической асимметрии, усиливает зависимость воспроизводственной динамики от ситуации на мировых рынках, региональную стратификацию экономического пространства в сочетании с растущей взаимозависимостью национальных экономик, региональных производственных комплексов, хозяйствующих субъектов.

В подобном видоизменяющемся глобальном контексте, наряду с трансформационными факторами производства, непосредственно преобразующими вещество природы в потребные людям формы, (труд, капитал или технико-технологический и природные ресурсы) базовыми становятся трансакционные факторы: институция, организация, информация. При этом важно подчеркнуть, что в условиях глобализации и региональной фрагментации особо существенным фактором общественного производства становится собственно территориальная организация: позиционирование в глобальной центр-периферийной системе, структура и динамика последней, становление и эволюция различного рода территориально-хозяйственных систем и т.п.

Всё это придаёт дополнительный импульс складыванию глобальной геоэкономики, рельефнее высвечивает имманентную ей центр-периферийную структуру. Таковы в самом общем виде глобальные процессы, напрямую связанные с качественной трансформацией глобальной хозяйственной системы и инициирующие постановку вопроса о развитии как базовом векторе, императиве бытия и устойчивого воспроизводства экономики.

Что же касается собственно России, то на фоне трансформационного спада 1990-х гг., а также восстановительных тенденций последних пяти – шести лет. С 1998 г. ВВП России увеличился на 39,5 %, выпуск промышленной продукции на 45,5 %, аграрной – 8 %, инвестиции в основной капитал – на 53,4 %, экспорт – на 108,5 %; при этом мы ещё не вышли на уровень 1989 г.; по ВВП это лишь 81,8 % [11]. В экономической литературе всё настойчивей ставится вопрос о качестве экономического роста и, даже, о феномене «роста без развития» [12, с. 32].

Действительно, позитивные тенденции последних лет обусловлены воздействием преимущественно традиционных, экстенсивных факторов экономической динамики. По данным академика Д.С. Львова более 80 % национального дохода России даёт эксплуатация природных ресурсов. Современное финансово-экономическое благополучие страны строится, прежде всего, за счёт присвоения природной ренты и перекачки её в центральные зоны мировой экономики. Сырьевой сектор (включая электроэнергетику) даёт 2/3 продукции российской промышленности, а по регионам - от 24 % до 98

% . В 42 % российских регионов доля сырьевых отраслей превышает 2/3 и лишь в 7 % составляет менее 1/3. До 2/3 прибыли и 4/5 экспорта обеспечивают сырьё и производные от него материалы [13]. Современная российская национальная экономика модифицируется в особый функционально обособленный субрегион с периферийными параметрами «качества» экономики и уровня жизни и данную крайне неблагоприятную тенденцию иллюстрирует соответствующая статистика [3]. На этом неблагоприятном фоне наблюдается аспектная качественная деградация российской экономики, тенденция, чей негатив мультиплицируется с учётом всё возрастающего дефицита традиционных для нашей страны ресурсов хозяйственного роста: разведанного углеводородного сырья и экономически активного населения с адекватной современным требованиям профессиональной квалификацией.

Симптоматично, в этой связи, что за последнее десятилетие РФ снизила свою долю в секторе мировой наукоёмкой продукции примерно в 8 раз. Наше отставание в этой области от США увеличилось за 1990-е гг. с четырёх до 38 раз [14]. На 1/3 за период реформ снизился и такой обобщающий экономический показатель как уровень производительности труда, составляя ныне лишь 20 % от уровня США [166]. В итоге, будучи шестой в мире по своему демографическому потенциалу, Россия по объёму ВВП занимает в данный момент лишь 16-ю позицию в общепланетарном рейтинге и 110 по тому же показателю, исчисленному на душу населения [15].

Экономический рост лимитирует и складывающаяся демографическая ситуация. За последнее десятилетие численность населения России сократилась на 4210 тыс. человек, то есть почти на 3 %. Весьма интенсивно протекает процесс его «старения» [16]. Трудовой потенциал страны в целом деградирует и это касается как его качественных, так и количественных параметров. В данной ситуации в условиях посткризисного подъёма многие вновь создающиеся, либо расширяющие свой бизнес хозяйствующие субъекты сталкиваются с проблемой дефицита не только высококлассных профессионалов, но и любой, даже малоквалифицированной рабочей силы. Перспектива же ещё менее оптимистична и с учётом как данного, так и изложенных выше обстоятельств сам рост в российской экономике вне существенной качественной её модификации уже сейчас базируется на крайне зыбких основаниях, а стратегически – и вовсе лишён перспективы.

Анализ ретроспективы и складывающихся ныне глобальных и российских реалий подводит к выводу, что экономический рост являет собой фактическое расширение «объёма» хозяйственной системы, которое может достигаться как на основе вовлечения в хозяйственный оборот дополнительной массы традиционных факторов производства, так и на основе модификации, инновационного преобразования экономики, её развития. Последнее, понимаемое как качественная трансформация экономической системы, создаёт необходимые технико-технологические, институциональные и иные необходимые предпосылки для роста, знаменует собой его позитивный вектор. Подобное понимание взаимосвязи роста и развития можно представить графически в виде двух доминантных осей («развитие – регресс» и «рост – паде-

ние») и совокупности формируемых ими секторов, соответствующих тем или иным инвариантным моделям экономической реальности: модели развития (сектора 1,2, 3, 4), в том числе развития, продуцирующего устойчивый инновационно ориентированный рост (1 и 2); модели регресса (можно обозначить данное состояние и мягче, как стагнацию), которой соответствуют сектора 5, 6, 7, 8, включая её инвариант, при котором лимитированы даже возможности экстенсивного роста (5 и 6). При этом, часть графика, объединяющая сектора 8, 1, 2 и 3 иллюстрирует реальную жизнеспособную, испытывающую циклические колебания и на определённых этапах задействующую экстенсивные ресурсы, однако в большей мере ориентированную на качество роста экономики (к ней с долей условности можно отнести и сектора 4 и 7, представляющие собой «зону неустойчивости и повышенного риска» (рис. 1).

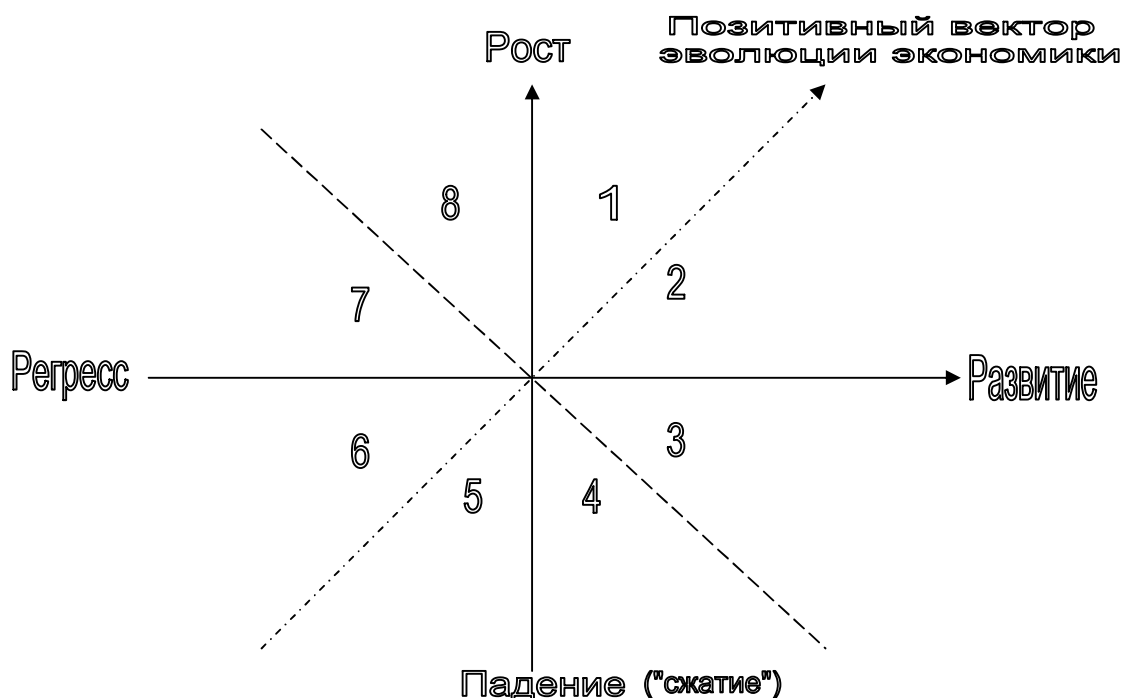

Рис. 1. Сопряжённость векторов роста и развития в эволюции экономики

Как это акцентировано в представленной графической модели позитивный вектор экономической эволюции, равно как и экономический рост, полномасштабно могут быть реализованы лишь в развивающейся экономической системе. Последняя представляет собой образование, способное в процессе своего функционирования видоизменять свою структуру, модифицироваться, адаптируясь ко всей совокупности эндогенных и экзогенных обстоятельств.

Качественный характер подобных изменений обеспечивается способностью системы генерировать и ретранслировать различного рода технико-технологические, организационные и иные инновации, продуцируя инновационный товар, новую рекомбинацию факторов производства, обновлённый

экономико-технологический строй общественного производства в целом, придавая конкретному пространственно-временному инварианту экономики, в итоге, большую эффективность, большую устойчивость, большую безопасность.

Качественная трансформация экономики протекает в регионально стратифицированной среде; в значительной мере это процесс территориально-хозяйственного развития, модернизации собственно региональной экономики, идентифицируемой по ряду основных сопряжённых аспектов.

Во-вторых, речь в данном случае может идти о формировании адаптивных форм территориальной (региональной) организации экономики (таких, к примеру, как сельскохозяйственный район в XIX в., экономический район в первой половине XX в., межотраслевой региональный комплекс и социально-экономический район в последней трети прошлого столетия и др.). Для современной России в условиях становления рынка подобной адаптивной формой становится, прежде всего, региональный кластер, то есть группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и организаций, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга в процессе межотраслевой кооперации [17], чья цель – обеспечить конкурентные преимущества стержневому профильному производству (фирме или группе фирм). Следует также акцентировать, что в постиндустриальной среде приоритеты мезоэкономического развития связаны не столько с формированием и локализацией кластеров вообще, сколько с культивированием в регионе кластеров нововведений, обеспечивающей территории преимущества и преференции «центрального» позиционирования в глобальной геоэкономике, аккумуляцию финансово-инвестиционных ресурсов и, соответственно, более динамичное и устойчивое развитие.

В третьих, для индикации развития региональной экономики приоритетен учёт пространственной диффузии экономических инноваций, распространения позитивных технико-технологических, институциональных и иных нововведений из «центра» территориально-хозяйственной системы на её периферию, а впоследствии и периферию, вследствие чего, наблюдается первоначально фрагментация, а затем и модернизация всей мезоэкономической среды.

Россия в силу различных причин отстала в развитии от центров зарождения новой волны. Задержка эта, по разным оценкам, составила к середине 70-х годов от 15 до 25 лет, то есть от 1/3 до 1/2 длины волны. Тем не менее, к началу 90-х СССР по ряду параметров находился на рубеже четвертой и пятой волны и в целом готов был к вступлению в новый уклад [18]. Однако, разразившийся в это же время общесистемный кризис, резко снизил скорость процесса диффузии элементов нового уклада по территории страны, привел к скатыванию в депрессивную фазу многих промышленных районов России, как старопромышленных, так и достаточно молодых.

В настоящий период фактически большая часть территории России формально находится в конце четвертого длинного цикла, до его «рубежа» их преимущественно отделяет от 5 до 10 лет. В то же время можно говорить

о том, что на территории страны появилось два столичных ядра, которые уже вступили в первую фазу нового цикла – фазу роста, хотя и находятся в самом начале этой фазы. Часть регионов находятся на рубеже четвертого и пятого циклов и в ближайшие годы видимо вступят в новую волну, став ядрами второго порядка. Учитывая наступление пятого Кондратьевского цикла в развитых странах в середине 1970-х, можно говорить о временном отставании передовых регионов России в развитии как минимум на 25 лет, для остальных временной лаг значительно больше.

В четвёртых, под «развитием региональной экономики» следует понимать более эффективное позиционирование той или иной конкретной территориально-хозяйственной системы регионального уровня в страновой и планетарной центрально-периферийной системе, включение экономики региона в глобальные сетевые взаимодействия со всей совокупностью сопутствующих позитивных (финансовых, технологических, социальных и т.п.) факторов и следствий.

Переход территориально-хозяйственной системы в постиндустриальную фазу детерминирован множеством обстоятельств, и, прежде всего, пространственной динамикой капитала, чья аккумуляция происходит неодинаково как в пространстве, так и во времени, порождая пространственно-временную неравномерность социально-экономического развития. Формирование постиндустриального общества невозможно, впрочем, и без накопленных на предшествующих стадиях развития ресурсов, достаточно мощного культурного слоя в территориально-хозяйственной системе. Эксперты США, в частности, подсчитали, что на один доллар затрат в системе образования приходится 3 - 6 долларов прибыли. За счёт развития образования некоторые страны мира получают до 40 % прироста ВВП [19]. Страны, не сумевшие (не успевшие) этого сделать, могут развивать постиндустриальную инфраструктуру лишь на основе внешних заимствований, со всеми вытекающими из этого последствиями, в т.ч. и инновационными.

Оказавшись в целом на периферии глобальных финансовых потоков и в последние полтора десятилетия существенно растратив и без того «истощённый» социокультурный потенциал, современная Россия, по-видимому, обречена следовать модели «догоняющей» инновации периферии. Существенно иное – многие российские регионы до сих пор всё ещё не включились в модернизационное поле, что проявляется, в том числе и в гипертрофированном росте межрегиональной асимметрии. Разрыв между благополучными и депрессивными регионами страны по уровню душевого потребления составляет 15 – 18 раз, по инвестициям на душу населения – 60 – 80 раз, а по уровню межрегиональных связей – 20 – 30 раз. Аналогичные показатели, например, для стран объединённой Европы в 3 – 5 и более раз ниже [20].

Усиливающаяся дифференциация уровней социально-экономического развития регионов; появление большого числа проблемных регионов или территорий с особыми аномалиями, характеризующихся остротой социальных, экономических, экологических проблем; дезинтеграция экономического пространства – подобного рода процессы инициированы прежде всего раз-

номасштабной включённостью компонент мезоэкономики в глобальные хозяйственные взаимодействия, региональной дифференциацией факторов, темпов и следствий экономического развития.

В пятых, развитие региональной экономики вмещает в себя собственно модернизацию экономики региона как пространственно обособленной составляющей страновой и глобальной экономической системы в целом, её отраслевое, территориальное, институциональное, технологическое и иное реструктурирование, ориентированное на рост производительности труда, повышение конкурентоспособности и устойчивости территориально-хозяйственной системы.

Развитие региональной экономики, в итоге, являет собой качественную модификацию масштабных и сложных территориально-хозяйственных отношений; ей имманентна совокупность разнообразных факторов, проявлений и императивов (рис. 2).

Представленное видение феномена развития региональной экономики предполагает её идентификацию с опорой на следующие основные принципы: системности; компаративизма; релятивизма; антропоцентризма.

Фундаментальной особенностью развития региональной экономики выступает и существенная роль в данном процессе внешних факторов: глобальной и страновой территориально-хозяйственной динамики, сетевых отношений и взаимодействий. В конце XX – начале XXI вв. особое место в системе подобного рода экзогенных факторов приобретает их финансовая составляющая, транснациональные и трансрегиональные финансовые отношения.

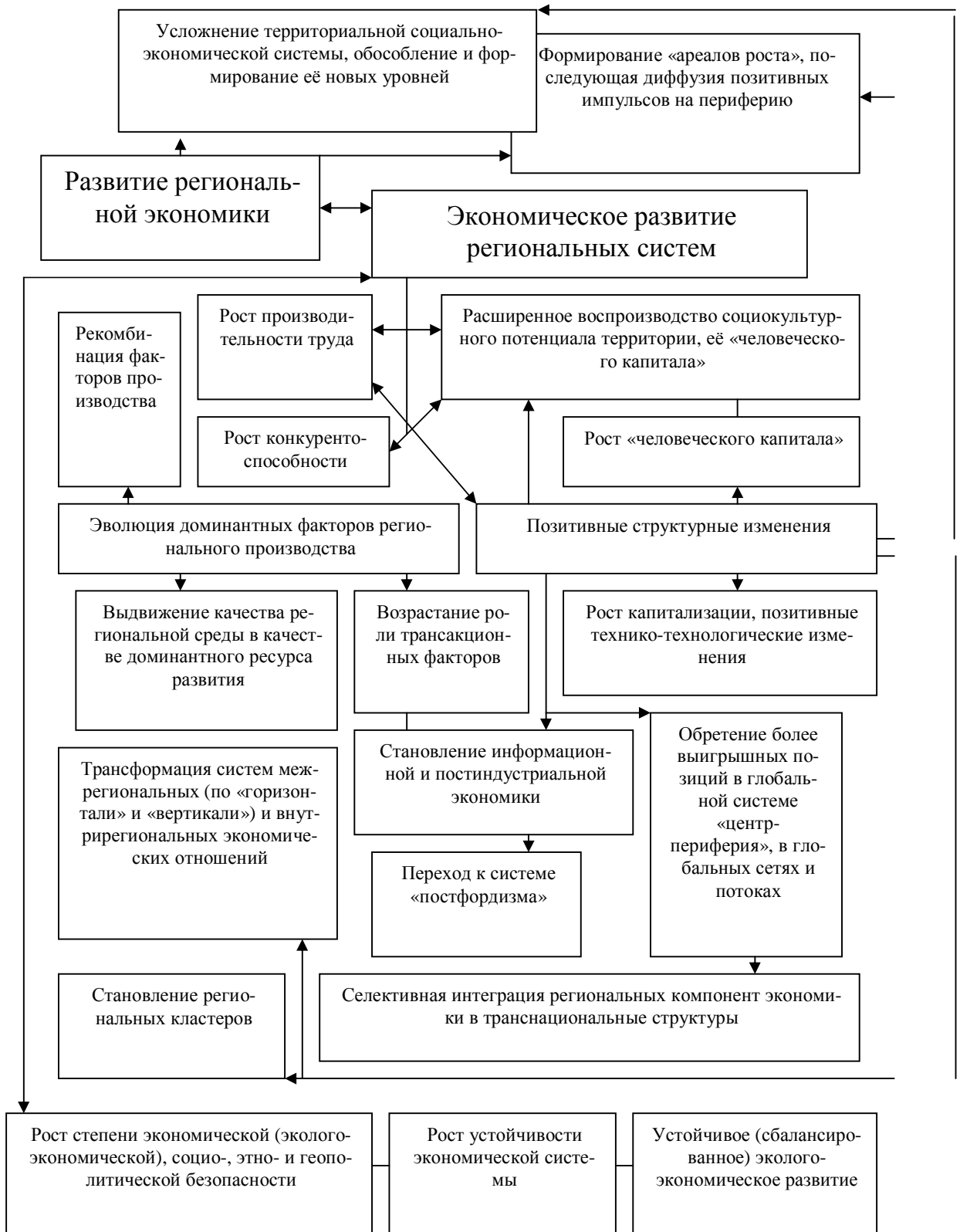

Рис. 2. Развитие региональной экономики: условия, проявления и императивы

Литература:

1. Гладкий Ю.Н. Москва в зеркале региональных социально-экономических патологий // Известия РГО. Т. 130. Вып. 4. 1998.
2. См.: Дружинин А.Г., Ионов А.Ч., Кетова Н.П. АПК России: факторы, особенности и механизмы регионализации. Ростов-на-Дону: из-во СКНЦВШ. 2004; Мировая экономика в XX веке: потрясающие достижения и серьезные проблемы // МЭ и МО. 2001. № 1.
3. Дружинин А.Г., Ионов А.Ч. Концептуальные основы регионализации экономики. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ. 2001.
4. Регионализация в развитии России. Географические процессы и проблемы. М. 2001.
5. См.: Бильчак В.С., Захаров В.Ф. Региональная экономика. Калининград. 1998; Гранберг А.Г. Учебник «Основы региональной экономики»: о структуре, методологии и содержании //РЭЖ. 2000 № 10; Добрынин А.И. Региональные пропорции воспроизводства. Л. 1987; Кетова Н.П. Региональная экономика. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: «Гефест». 1998; Кожурин Ф. Совершенствование регионального управления. М. 1990.
6. Гранберг А.Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. № 1.
7. Осипов Ю.М. Финансовая экономика как высшая форма бытия экономики // Экономическая теория на пороге XXI в. Т. 7. Глобальная экономика. М. 2003.
8. Шарыгин М.Д. Региональная организация общества. Пермь: Изд-во Пермского ГУ. 1992.
9. Булгакова О.А., Джурбина Е.М. Идентификационные подходы к определению «центра» и «периферии» в региональной структуре Юга России // Современные аспекты экономики. СПб. 2003. № 14 (42).
10. Дружинин А.Г. Юг России конца XX - начала XXI вв. (экономико-географические аспекты). – Ростов-на-Дону: Из-во РГУ. 2005.
11. Макаревич Л. Итоги 2004 г. заставляют правительство усилить государственное регулирование экономики // Общество и экономика. 2005. № 1.
12. Лавровский Б. Измерение региональной асимметрии на примере России // Вопросы экономики. 1999. № 3.
13. Остров Россия на пороге XXI века как часть мировой экономики // Геополитическое положение России: представления и реальность. М. 2000.
14. Львов Н. Экономика России – прорыв в XXI век. М. 2000.
15. Кириченко В. Уточнение ориентиров экономических реформ // Экономист. 2000. № 7.
16. Зайончковская Ж.А. Адекватна ли интересам страны миграционная политика Российской Федерации // Миграционное законодательство Российской Федерации и проблемы прав человека. М. 2002.
17. География социально-экономического развития. М. 2004.
18. Бабурин В.Л. Инновационные циклы в российской экономике. М. 2002.
19. Молодёжь, образование, рынок. / Под ред. Зуева В.М. М.: НИИВО. 1992.
20. Львов Н. Экономика развития. М. 2002.